

СОВРЕМЕННЫЙ КОНФЛИКТ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НА УКРАИНЕ: ВЛИЯНИЕ НА ДЕЗИНТЕГРАЦИЮ ОБЩЕСТВА

БАРАНОВ А.В.

АННОТАЦИЯ

В статье выявляются проявления общественного мнения в Украине, выражающие эскалацию конфликта национальной, региональных и этнических идентичностей в условиях фрагментации государства. Внимание уделено долгосрочным историческим, экономическим, социальным факторам региональной фрагментации Украины. Анализируется рост противоречий между геополитическими ориентациями регионов страны в начале XXI века. Оценивается политика нациестроительства, проводившаяся в сфере идентичности органами государственной власти и политическими партиями. Установлены проявления неоднородности сообществ Юга и Востока Украины, затрудняющие деэскалацию конфликта. Дан прогноз развития конфликта идентичностей.

Ключевые слова: конфликт идентичностей; национальная идентичность; региональные идентичности; этнические идентичности; Украина; дезинтеграция; анкетные опросы.

CONTEMPORARY IDENTITIES'S CONFLICT IN UKRAINE: ITS IMFLUENCE ON SOCIAL DISINTEGRATION

BARANOV A.V.

ABSTRACT

The article identifies manifestations of public opinion in Ukraine expressing escalation of conflict between national, regional and ethnic identities on the stage of crisis and the fragmentation of the state. Attention is paid to the long-term historical, economic and social factors of regional fragmentation of Ukraine. Analyzes the growth of the contradictions between the geopolitical, ideological and party orientations by regions of the country at the beginning of the XXI century. Ranked policy of nation-building, which was conducted in the field of identity by public authorities and the major political parties. Mounted displays heterogeneity communities of the South and East of Ukraine, complicating the deescalation of the conflict. The forecast of regional identities' conflict is done.

Keywords: identity conflict; national identity; regional identity; ethnic identity; Ukraine; disintegration; questionnaires.

Актуальность темы в том, что Украина – одно из ключевых по геополитическому потенциалу государств Северной Евразии (наряду с Российской Федерацией и Казахстаном). Подписание соглашения об ассоциации Украины с Европейским Союзом означает геополитический выбор Украины в пользу Запада. Но на Украине устойчиво проявляются идентификационные размежевания регионов, вызванные слабостью оснований государственного единства. Неудача конструирования национальной идентичности на этнократической основе стала весомым фактором дезинтеграции Украины в ходе кризиса 2013–2015 гг.

Цель статьи – определить факторы и проявления конфликта национальной, региональных и этнических идентичностей в условиях кризиса государства в Украине. Основное внимание уделено периоду после «оранжевой революции» (2005–2015 гг.).

Тема достаточно глубоко исследована применительно к периоду до 2013 г. Баланс национальной и региональных идентичностей анализировали украинские эксперты Д. Кирюхин, С. Щербак, М. Погребинский, А. Попов и А. Толпыго [13], Н. Рябчук [36, с. 381-396], А. В. Радченко [34], Е. В. Князева [9]. Крымская школа исследований представлена работами В. Е. Григорьянца, А. В. Мальгина, А. В. Ишина и др. [5], А. В. Ставицкого [42]. Сложилась школа анализа региональной идентичности в Донбассе

(работы С. Н. Барышникова, С. Ю. Бунтовского, И. В. Гречко и др.) [32], Г. О. Коржова [10]. Важное значение сохраняют работы российских исследователей С. С. Савоскула [38], Л. В. Савина [37], О. А. Бориско [2], созданные до переворота 2014 г. Они доказывают глубокую фрагментацию этнических, языковых и региональных сообществ Украины, что делает полезной федерализацию страны при равноправии регионов. Напротив, евроатлантический унификаторский курс политики аргументируется в работах украинских экспертов под редакцией Л. В. Губерского [7] и А. И. Кудряченко [45], статье С. О. Переходы [27], интервью И. Тодорова [44].

Поскольку кризис украинского государства развивается в 2013–2015 гг. стремительно, изменения идентичностей ещё недостаточно осмыслены. Среди новейших исследований можно отметить по глубине выводов брошюру В. Д. Пихоровича [28], монографию С. Я. Суция [43, с. 49-72], работы О. И. Вендиной, В. А. Колосова, Ф. А. Попова и А. Б. Себенцова [3], В. В. Лапкина и В. И. Пантина [14], статьи Н. П. Пашиной [26] и О. Б. Неменского [23]. Укraiноцентричная концепция выражена в статье В. В. Фесенко [46].

Эмпирическая основа статьи включает в себя статистику переписи населения 2001 г. и голосований на выборах в Украине (2004–2014 гг.). Большое значение имеют анкетные опросы, проведённые Киевским международным институтом социологии

(КМИС) и Украинским Центром экономических и политических исследований им. А. Разумкова [22, 8].

Методологическую основу статьи составляет конструктивизм. Он позволяет осмыслить конфликт идентичности как взаимодействие субъектов политики в стремлении осуществить противоречивые интересы, связанные с властью, влиянием на государственную политику и статусом. Субъектами конфликта выступают не нации, этнические и религиозные сообщества в целом, а их лидеры и элиты. Они используют этничность в прагматических интересах, конструируют политические ориентации и установки. Уровень и динамика конфликта зависят от баланса ресурсов и структуры политических возможностей субъектов. На материалах Украины конструктивистская парадигма применена А. И. Миллером [21]. Также мы используем модель социокультурных размежеваний С. М. Липсета – С. Роккана [15]. Она позволяет объяснить причины степени конфликтности размежеваний и их географическое размещение.

В Украине ярко проявляется «многослойность» этнокультурного пространства, вызванная затяжным формированием государственной территории. Украина относится к числу стран с «искусственными» границами, что вызвало разнородность ее экономической и социальной структур. В. Малинкович указывает, что к 1917 г. на Востоке Украины 89-95% земель были в общинном пользовании, а на Правобережной Украине и Полтавщине – лишь 5-7%. Юг и Восток быстрее проходили урбанизацию и индустриализацию. Университеты раньше открылись в Харькове и Одессе, а не в Киеве [16, с. 43-44]. Значительно сказывается на размежевании украинцев отраслевой профиль экономики макро-регионов. На Юге и Востоке сосредоточено 80% промышленного потенциала страны [16, с. 44]. Юг и Восток производили в 2004 г. 58% валовой добавленной стоимости и 54,4% налоговых поступлений в национальный бюджет, 75% объема реализованной промышленной продукции, 64% экспорта страны [11].

Общеизвестна конфессиональная разнородность Украины. По подсчетам М.С. Днистрянского, в западных областях плотность религиозных организаций – свыше 9 на 10 тыс. жителей, а на Юге и Востоке – не более 1-3 [6, с. 250]. К западу от Днепра доминируют приходы Украинской православной церкви Киевского патриархата, а к востоку – УПЦ Московского патриархата.

Преобладающий фактор размежеваний идентичности – языковой. Украинское общество расколото примерно пополам по приверженности государственному языку в повседневном общении. По анкетному опросу 2004 г. (Киевский международный институт социологии), в семье 45% жителей страны говорит по-украински, 10% – на обоих языках, 45% – на русском. В западных областях считают украинский язык родным практически все респонденты (свыше 95%); в центральных областях

и Киеве – половина опрошенных; на Востоке и Юге предпочитают русский язык [19, с. 89].

Важный аспект – мнение респондентов о статусе русского и украинского языков. В 2002 г. считали, что украинский язык – единственный государственный, а русский – лишь бытовой (язык национальных меньшинств) 74,5% жителей западных областей; 44,3% – центральных; 17,7% – восточных и 14% – южан (по данным Центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова [17, с. 219]. С государственным статусом обоих языков соглашались 53,3% южан, 55,3% жителей восточных областей, 30,2% в центральных областях и 7,9% – в западных. По опросу 2006 г., во всей Украине поддерживали статус русского языка как второго государственного 56,2% респондентов; против выступали 35,9% [30, с. 134]. Судя по анкетному опросу, проведенному Центром региональных исследований и стратегий, на юге Украины весной 2011 г. доля считающих родным языком русский достигает 95-97%, а выступает за русский язык в роли регионального 43%, второго государственного – 41% респондентов [20]. По итогам опроса социологической службы «Рейтинг» в октябре 2013 г., за предоставление русскому языку государственного статуса выступали 43% респондентов, против – 51%. Но государственный статус русского языка пользовался безоговорочной поддержкой в Донбассе и Крыму (по 85%), на Юге страны (69%), на востоке (не считая Донбасса) – 57% [46, с. 34]. Решение Верховной Рады Украины об отмене регионального статуса русского языка (февраль 2014 г.) углубляет этнокультурный и языковой раздел общества, принуждает к украинизации.

Раскол «город-село» отчетливо проявляется в политическом позиционировании украинцев. По опросам, среди избирателей В. Ющенко (2004–2005 гг.) в 1,8 раза чаще встречались сельские жители, чем в электорате В. Януковича. Напротив, среди избирателей Януковича (2004–2005 гг.) почти в 1,3 раза чаще встречались горожане (включая жителей поселков городского типа) [47, с. 217]. Опросы Киевского международного института социологии позволяют прояснить иерархию факторов позиционирования на президентских выборах. Так, в 2004 г. главным фактором раскола электората на сторонников В. Ющенко и В. Януковича был языковой. Среди избирателей Ющенко повседневно говорили на украинском языке 78,5% (в сравнении с 50% населения всей страны), а электорат Януковича был на 73,5% русскоязычным [29, с. 143].

Этнополитические размежевания населения Украины жестко проявляются и в оценке ключевых событий истории: выбора веры, Переяславской Рады, Руины и измены И. Мазепы, «Голодомора», Великой Отечественной войны [31, с. 39-47].

Прочная украинская идентичность и в государственном (национальном), и в этническом аспектах не сформирована. Вряд ли она может быть закре-

плена без насилия на основе этнократических ориентаций, присущих Западу страны. По итогам опроса 2002 г., 37% респондентов на первое место ставили региональную, а не общенациональную идентичность [30, с. 134]. В другом опросе 2002 г. с более дробной шкалой ответов считали себя прежде всего гражданами Украины 41,0%; жителями своей местности – 31,6%; гражданами СССР – 12,7%; жителями региона – 5,9%; представителями своего народа – 3,0%; «гражданами мира» – 2,7% [12, с. 343].

Представляет большой интерес анкетный опрос, проведенный в июне 2011 г. Центром региональных исследований и стратегий (г. Одесса) в Николаевской, Одесской и Херсонской областях, Автономной Республике Крым (АРК) (гнездовая пропорциональная выборка 2500 чел., погрешность 3%). Гражданами Украины, в первую очередь, считали себя 46% респондентов, своего города или местности – 31%, области или группы областей – 10%, гражданином СССР – 9%. Но данный баланс сильно различался по 4 регионам: в АРК и на Херсонщине гражданами Украины считали себя 37-38%, а в Николаевщине – 66%. Очевидна зависимость распределений от этнической идентичности. Считали себя русскими 62% крымчан, 24% жителей Одесской области, 18% херсонцев и 14% жителей Николаевской области. Государственная идентичность в этих 4 регионах преобладала у 68% украинцев и 26% русских. Установлена зависимость между уровнем приверженности Украине и поддержкой прозападной геополитической ориентации [9, с. 272-273, 282-283].

Жители Украины сохраняли близкую этнокультурную дистанцию с русскими. Опрос, проведенный Киевским международным институтом социологии в ноябре 2012 г. (выборка 2048 чел.), показал индекс этнокультурной дистанции от русских 2,7 балла (в сравнении с 2,5 в 1992 г.). Никакой другой народ не рассматривался жителями Украины как столь близкий. Но вследствие 20-летней политики наблюдался рост гражданской идентичности и спад региональной, локальной. 59,6% опрошенных считали себя в первую очередь гражданами Украины, региональная идентичность была основной для 25,1%, удельный вес «граждан СССР» составлял 8,3%. Характерен повышенный уровень региональной и «советской» идентичности среди этнических русских, жителей Востока и Юга страны, лиц среднего и пожилого возраста [1; 3, с. 63].

Данные долгосрочные факторы сделали Украину «глубоко расколотым» государством, воспринимаемым как объект международного соперничества, а не самостоятельный субъект геополитики. Киевский социолог В. В. Фесенко признает важнейшей предпосылкой кризиса этнокультурную и цивилизационную неоднородность украинского общества [46, с. 26].

Эскалация конфликта идентичностей отчетливо началась с лета 2012 г. в связи с принятием

закона Украины о региональных языках. Опрос Центра Разумкова (27 июля–9 августа 2012 г.) во всех регионах (репрезентативная выборка 10979 чел. старше 18 лет, погрешность 1%) выявил различия идеологических ориентаций. На Западе доминировала националистическая приверженность (29%). В Центре равенство националистической (15%) и социал-демократической (13%) приверженности. На Юге и Востоке преобладала поддержка союза с Россией (14%). Среди сторонников Партии регионов был наибольший уровень желающих воссоединения с Россией (22%) [13, с. 60-61].

Рассмотрим развитие общественного мнения по вопросам участия Украины в евразийской либо европейской интеграции. Так, в декабре 2012 г. анкетный опрос Центра «Социальный мониторинг» (выборка 2003 чел.) показал: 46% респондентов считали, что Украина должна стать полноправным участником Таможенного союза (ТС). 35% полагали, что Украина должна заключить договор о зоне свободной торговли и политической ассоциации с Европейским Союзом (ЕС) с последующим вступлением, 19% – не определились. Идею вынести вопрос вступления Украины в ТС на референдум поддерживало большинство населения (62%), а доверить рассмотрение вопроса Верховной Раде и Президенту согласны 24%. Для большинства приоритетна возможность иметь безвизовый режим с Российской Федерацией, даже если для этого Украина должна не вступать в ЕС – так считал 51% опрошенных. 30% хотели, чтобы Украина подписала договор о политической ассоциации и зоне свободной торговли с ЕС и имела с Россией закрытые границы с визами и таможенными. Для 62% приоритетным являлось сохранение безвизового режима с Россией [40]. Украинские органы власти ни до, ни тем более после переворота 22 февраля 2014 г. не провели референдум по данным судьбоносным вопросам. Общественное мнение проигнорировано. А ведь референдум полностью соответствовал демократическим принципам и помог бы стране избежать гражданской войны.

В вопросе выбора между заключением ассоциации с ЕС или участием в Таможенном союзе налицо территориальные размежевания. В декабре 2012 г. анкетный опрос Центра «Социальный мониторинг» (выборка 2003 чел.) показал: Западный регион – единственный, где преобладали сторонники ассоциации с Евросоюзом (66%); соотношение равное в Центральном и Северном регионах; существенное преимущество сторонники Таможенного союза имели на Востоке (54%) и Юге Украины (74%) [40].

Ситуация стала быстро меняться в 2013 г. вследствие информационной войны за общественное мнение. Финансирование кампании о преимуществах европейской интеграции вели три ключевых структуры: представительство ЕС, посольство Великобритании и Международный фонд «Відродження», финансируемый Дж. Соросом

сом. В общей сложности зарубежные лоббисты евроинтеграции в 2013 г. профинансировали пропаганду в Украине на 1,8 млн. евро [39]. Средства расходовались на телепрограммы, информационные материалы, проведение круглых столов и конференций, производство обучающих фильмов в пользу соглашения об ассоциации с ЕС. Информационная политика РФ проигрывала европейской по креативности и наступательности.

Судя по опросу компании «Рейтинг» 26 сентября–6 октября 2013 г. (выборка 2000 чел.), 53% респондентов поддерживали курс на присоединение Украины к ЕС. 35% опрошенных не желали объединяться с ЕС, 12% не определились. По мнению большинства, подписание соглашения о зоне свободной торговли с ЕС для Украины более выгодно (47%), чем вступление в Таможенный союз с Россией, Беларуссией и Казахстаном (34%) [41]. Процент респондентов, которые поддерживали вступление Украины в Европейский Союз, в середине марта 2014 г. достиг 52%, а желавших вступления в Таможенный союз снизился до 25,6%. За вступление в НАТО в середине марта 2014 г. выступали 44%, против – 47% [46, с. 33-34]. Опрос, проведенный службой «GfK Ukraine» 24-28 сентября 2014 г. (выборка 976 респондентов старше 18 лет), дал уже 52% поддержки вступления в НАТО. Против вступления в НАТО высказались 19%. 18% признались, что не голосовали бы на референдуме, 10% не определились. Традиционно наивысшая поддержка вступления в НАТО среди жителей западного региона и киевлян (73% и 71% соответственно), а самая низкая – на юге и востоке страны (36% и 27%) [33].

Столь масштабное и быстрое переориентирование общественного мнения стало возможным из-за низкой осведомленности населения Украины. По заказу посольства Великобритании компания «Key Communications» провела весной 2013 г. исследование уровня информированности о преимуществах соглашения об ассоциации с ЕС. Вывод: «уровень информированности различных целевых аудиторий относительно европейской интеграции в целом и Соглашения об ассоциации в частности – очень низок». «Только 5,3% граждан оценивают уровень информированности о ЕС как высокий, 38,6% определяют уровень знаний как средний. Низкий уровень информированности отмечают 43,5%. Каждый десятый не имеет никакой информации о ЕС», – пояснял заместитель генерального директора Центра им. А. Разумкова В. Чалый [40]. После переворота 22 февраля 2014 г. кумулятивный эффект имела гражданская война, вызвавшая эффекты русофобии и надежды на помощь Запада.

Свержение законных органов государственной власти Украины имело движущей силой, прежде всего, сообщества Запада и Центра страны. Поэтому поддержка унитарного устройства Украины, по сведениям социологической службы «Рейтинг», выросла от 2011 г. к марту 2014 г. с 50 до 61%,

а федерации – слегка сократилась: с 25 до 24%. 15% респондентов не определились. Только в Донбассе за федеративное устройство выступали 59% опрошенных [35].

Киевский международный институт социологии накануне свержения президента В.Ф. Януковича провел опрос 8-18 февраля 2014 г. (выборка 2032 чел. старше 18 лет во всех областях, погрешность не более 2,2%). 30% в качестве основной причины конфликта указали «влияние Запада, стремящегося втянуть Украину в орбиту своих политических интересов». Но мнения были резко дифференцированными по регионам: на Востоке и Юге так считали 57% и 44%, в Центре и на Западе – 17% и 5%. Наибольший удельный вес тех, кто симпатизировал участникам «Евромайдана», в Западном (80%) и Центральном регионах (51%). На Юге 20% симпатизировало участникам силового давления на прежнюю власть. Меньше всего их на Востоке – 8% [25].

Удельный вес респондентов, которые желали объединения Украины и России в одно государство, составил 8-18 февраля 2014 г. 12,5% в среднем по стране (41,0% в Автономной Республике Крым, 33,2% – в Донецкой области, 24,1% – в Луганской, 24,0% – в Одесской, 16,7% – в Запорожской, 15,1% – в Харьковской, 13,8% – в Днепропетровской области. За время «майданного» движения уровень таких настроений по стране вырос с 9 до 12,5% [25]. В.В. Фесенко приводит данные о преобладании позиции: «Украина и Россия должны быть независимыми, но дружественными государствами, без виз и таможен» (68% респондентов). Выступали за отношения с Россией на общих основаниях (с закрытыми границами, визами и таможенными) 15% [46, с. 32].

Анкетный опрос 8-16 апреля 2014 г., проведенный Киевским международным институтом социологии в 8 областях Юга и Востока страны (выборка 3232 чел., погрешность 1,8%), доказал резкое размежевание внутри макрорегиона [22]. Отчетливо выделялись Донецкая и Луганская области, где в 1,5-2 раза ниже, чем в среднем по макрорегиону – 8 областям, признание легитимности захватившего власть 22 февраля режима. Если в целом по 8 областям считали «Евромайдан» оправданным протестом 41,7%, то в Донецкой и Луганской областях – 20 и 26,8%. Далее по нарастанию поддержки «Евромайдана» последовательность такова: в Запорожской области – 43,7%, Харьковской – 47,5%, Одесской – 50,1%, Днепропетровской – 54,5%, Николаевской – 60,3% и Херсонской – 61,9% [22]. Донбасс отчетливо выделялся неприятием нового режима. Небольшой перевес прозападных ориентаций был выражен в Запорожской, Харьковской и Одесской областях. Отчетливо преобладала поддержка нового режима в Днепропетровской, Николаевской и Херсонской областях.

Респонденты из Донбасса и, в меньшей мере, Харьковской области видели решение проблем

в федерализации Украины и тесном сотрудничестве с Россией. От 58,1 до 62,9% жителей Донбасса поддерживали воссоединение Крыма с РФ. В целом по Югу и Востоку характерен паритет: в поддержку воссоединения Крыма – 43,0 при 44,3% против. Поддерживали или «скорее поддерживали» мнение о том, что их регионам следовало отделиться от Украины и присоединиться к РФ, 30,3% жителей Луганской области, 27,5% жителей Донецкой области и 16,1% – Харьковской области [22]. В остальных 5 областях Юга и Востока Украины такие настроения были весьма слабыми.

Данные тенденции проявлялись и по иным индикаторам идентичности в опросе 10-15 апреля 2014 г. Считали для себя главной угрозой «вторжение России» 6,4% респондентов в Донецкой области, 10,7% – в Луганской и, на контрасте, 36,2% – в Николаевской и 42,7% – в Херсонской областях [22]. Именно в Донецкой и Луганской областях – наивысший процент опрошенных, которые считали, что Россия справедливо защищает интересы русских. Эти регионы резко выделялись поддержкой гипотетического ввода российских войск, экономических и политических ориентаций на Россию, а не на Евросоюз и США. Только в Донбассе потенциальная угроза со стороны киевского режима оценивалась как более весомая, чем со стороны РФ. Индикаторы позиционирования сообществ Донбасса носят отчетливый антиолигархический характер.

Аналогичный конфликт ориентаций проявлялся в сентябре 2014 г., после жестоких карательных операций киевского режима в Донбассе. В. В. Лапкин и В. И. Пантин отмечают: «На нынешнем этапе постсоветский проект строительства украинской нации являет собой... попытку именно через конфликт и общенациональную социальную и гуманитарную катастрофу обеспечить» объединение этнических, религиозных и социальных групп [14, с. 79]. Степень поддержки вступления Украины в НАТО и войны в Донбассе остается крайне дифференцированной по макрорегионам.

Итоги выборов в Верховную Раду Украины 28 октября 2014 г., подсчитанные в процентах от списочного состава избирателей (с учетом неявки) доказали географическую неизменность раскола «Запад – Восток». Он отчетливо выделяет области с повышенной поддержкой Оппозиционного блока и Коммунистической партии Украины (Одесскую, Николаевскую, Херсонскую, Запорожскую, Днепропетровскую, Харьковскую, а также контролируемые Украиной части Донбасса). В Харьковской области за Оппозиционный блок голосовало больше 32% избирателей, в Донецкой – 39%, в Луганской – 36%, в Днепропетровской – 24%, в Одесской – свыше 18%. КПУ набрала в Луганской области 12%, в Донецкой больше 10%, в Запорожской, Николаевской, Херсонской, Одесской и Харьковской – по 8-9%. Более того, ареал влияния оппозиции националистическому режиму отчасти

распространился на Черниговскую, Сумскую, Черновицкую и Закарпатскую области [18].

Сделаем выводы. Украина – «глубоко расколотое» общество. Отсутствует устойчивая национальная идентичность большинства граждан. Устойчиво проявляются долгосрочные социокультурные размежевания: центр – периферия (с преобладанием локальной идентичности), город – село, религиозность – секулярность, русскоязычные – украиноязычные территории. Пространственное распределение размежеваний совпадает, усиливая их конфликтогенный потенциал. Принятое этнокультурное деление Украины на отчетливо выраженные Запад, Центр, Юг и Восток не вполне соответствует современному состоянию идентичности. Речь идет о центрах («ядрах») социокультурных ареалов) и перифериях, плавно переходящих от одного типа к другому. Для Запада таким ядром выступала Львовская область, для Юга – Крым и Севастополь, для Центра – Киев, для Востока – Донецкая область. Ярко выражены лакуны, идентичность которых значительно отличаются от окружающего ареала (Закарпатье, Киев).

Примерное равновесие прозападных и пророссийских ориентаций, сложившееся в Украине за постсоветский период, разрушено целенаправленными усилиями внешнеполитических акторов (США и стран Евросоюза), элит и партий страны путем дестабилизации и государственного переворота. Начавшаяся гражданская война используется прозападными правящими элитами страны для окончательного закрепления этнократической политики идентичности, для подавления этнического и языкового плюрализма.

В этих условиях развитие идентичностей регионов происходит по расходящимся траекториям. Сложные процессы идут в Донбассе вследствие гражданской войны 2014–2015 гг. Вероятно критическое ослабление украинской и рост «новороссийской» идентичности, если эти процессы не будут прерваны этноцидом со стороны киевского режима. В остальных областях Украины режим владеет инициативой в информационной политике. Сохраняется размежевание западных и восточных областей по индикаторам выбора между европейской и евразийской интеграцией, отношения к государственному перевороту.

Список литературы

1. Аналитический отчет по результатам исследования «Региональная толерантность, ксенофобия и права человека в Украине в 2012 году» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ihrgrep.org/ru/docs/> (дата обращения: 12.12.2014).
2. Бориско О. А. Региональная фрагментация политической культуры населения Украины. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Краснодар, 2006. – 28 с.
3. Вендина О. И., Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий /

- О. И. Вендина, В. А. Колосов, Ф. А. Попов, А. Б. Себенцов // Политические исследования. – 2014. – № 5. – С. 50-67.
4. Все меньше украинцев за интеграцию с РФ, Белоруссией и Казахстаном [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/world/20121210/914210849.html?utm_source=966130&utm_medium=banner&utm_content=2227933&utm_campaign=rian_partners (дата обращения: 10.12.2012).
  5. Григорьянц В. Е. Федерализация Украины: к единству через разнообразие / В.Е. Григорьянц, С.С. Жильцов, А.В. Ишин, А.В. Мальгин. – М.: Восток-Запад, 2011. – 248 с.
  6. Дністрянський М. С. Етнополітична географія України: проблеми теорії, методології, практики. – Львів: Вид. центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2006. – 490 с.
  7. Інтеграція України в європейські правові, політичні та економічні системи / В.А. Манжол, В.І. Муравйов, А.С. Філіпенко та ін.; за ред. Л.В. Губерський. – Київ: Київський ун-т ім. Т.Г. Шевченка, 2007. – 319 с.
  8. Інформаційно-аналітичні матеріали «Парламент і парламентські вибори в Україні 2012 р.: політична ситуація, суспільні настрої та очікування (робоча версія): до круглого столу на тему «Україна напередодні парламентських виборів: чи справдяться очікування громадян». 26 вересня 2012 р.». – Київ: Центр Разумкова, 2012. – 105 с.
  9. Князева Е. В. Самоидентификации населения южноукраинского региона: «неукротимость примордиального» // Социальные идентичности в динамике институционального и самоорганизационного. – Одесса: ВМВ, 2013. – С. 267-284.
  10. Коржов Г. О. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации // Социология: теория, методы, маркетинг. – Киев, 2006. – № 4. – С. 38-51.
  11. Кошик А. Экономические противоречия между регионами: миф или реальность? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.analitik.org.ua (дата обращения: 11.01.2013).
  12. Кремень В. Г. Україна: проблеми самоорганізації [Текст] / В.Г. Кремень, Д.В. Табачник, В.М. Ткаченко. – Київ: Промінь, 2003. – Т. 2. – 464 с.
  13. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго. – М.: Весь мир, 2013. – 400 с.
  14. Лапкин В. В., Пантин В. И. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты // Политические исследования. – 2014. – № 5. – С. 68-89.
  15. Липсет С. М. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей: Предварительные замечания / С. М. Липсет, С. Роккан // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 204-234.
  16. Малинкович В. О причинах «оранжевой революции» в Украине // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М.: Европа, 2005. – С. 29-63.
  17. Мальгин А. В. Украина: соборность и регионализм. – Симферополь: СОНАТ, 2005. – 280 с.
  18. Мальцев В. Украину склеить не удалось [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/ukraine/2014/10/30/1333099.html> (дата обращения: 31.10.2014).
  19. Марков С. А. «Оранжевая революция» – пример революции глобального сообщества // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М.: Европа, 2005. – С. 65-90.
  20. Мартынюк В. Точку в вопросе единения России и Украины ставить рано! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.km.ru/ukraine/2011/07/01/istoricheskoe-edinstvo-rossii-i-ukrainy/> (дата обращения: 06.07.2011).
  21. Миллер А. И. Политика строительства нации-государства на Украине // Политическая наука. – 2010. – № 1. – С. 76-99.
  22. Мнения и взгляды жителей Юго-Востока Украины: апрель 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zn.ua/UKRAINE/mneniya-i-vzglyady-zhiteley-yugo-vostoka-ukrainy-aprel-2014-143598.html> (дата обращения: 22.05.2014).
  23. Неменский О. Б. Модели южнорусской идентичности на Украине // Вопросы национализма. – 2014. – № 2(18). – С. 20-31.
  24. Новороссия. Восставшая из пепла / авт. предисл. и сост. С. Н. Плеханов. – М.: Книжный мир, 2014. – 512 с.
  25. Отношение жителей Украины и России к событиям в Украине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/03-03-2014/otnoshenie-zhitelei-ukrainy-i-rossii-k-sobytiyam-v-ukraine> (дата обращения: 06.03.2014).
  26. Пашина Н. П. Кризис политической идентичности украинских граждан: внешнеполитический аспект // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – Т. 30. – № 8 (179). – С. 167-169.
  27. Перехода С. О. Утро по Гринвичу: украинская «евроинтеграция» и современные проблемы Западной Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestiua.com/ru/press/20130112/19151.html> (дата обращения: 12.01.2013).
  28. Пихорович В. Д. Украина между Западом и Востоком: Война на Донбассе. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 264 с.
  29. Попов А. Парадоксы революции // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М.: Европа, 2005. – С. 137-162.
  30. Попов Э. А. Наступление на русский язык на Украине: до и после «оранжевой» революции // Современные политические процессы на Украине. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – С. 125-137.
  31. Портнов А. Україна: Сучасна історіографія українського націотворення: кілька спостережень // Україна. Процеси націотворення / упоряд. А. Каппелер. – Київ: К.І.С., 2011. – С. 39-47.

32. Проблемы региональной идентичности Донбасса: сб. аналит. статей / авт.-сост. А. Иванов, А. Мартынов. – Донецк: б.и., 2011. – 174 с.
33. 52% украинцев готовы поддержать вступление страны в НАТО на референдума: сощопрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1852324.html#ixzz3Ej4lXMs0> (дата обращения: 30.09.2014).
34. Радченко О. В. Ціннісна система суспільства як механізм демократичного державотворення. – Харків: Вид-во ХарРІ НАДУ «Магістр», 2009. – 380 с.
35. Результаты національного опитування IRI в Україні: березень 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ratinggroup.com.ua/products/politic/data/entry/14086/> (дата обращения: 30.04.2014).
36. Рябчук М. «Сяк-так, абияк»: двадцять років посткомуністичної трансформації в Україні // Україна. Процеси націотворення. – Київ: К.І.С., 2011. – С. 381-396.
37. Савин Л. В. Национально-политическая идентификация в Украине и формы репрезентации власти // Современные политические процессы на Украине. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2009. – С. 105-115.
38. Савоскул С. С. Этнополитические ориентации и гражданская идентичность населения Украины // Вестник Евразии. – 2002. – № 2. – С. 47-74.
39. Самсонова Ю. Война миров: Показатели поддержки украинцами Таможенного и Европейского союзов сближаются // Власть денег. – Киев, 2013. – № 25-26 (390). – 21 июня.
40. 46% населения считают, что Украина должна стать полноправным участником Таможенного союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unian.net/news/542388-46-naseleniya-ukrainiyi-za-tamojennyiy-soyuz-opros.html> (дата обращения: 21.12.2012).
41. Сощопрос: Курс на «евроинтеграцию» поддерживают 53% украинцев, 35% – против [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.regnum.ru/news/polit/1720648.html (дата обращения: 16.10.2013).
42. Ставицкий А. В. Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. – Севастополь: Рибэст, 2013. – 160 с.
43. Суций С. Я. Украина – Россия – мир: некоторые грани взаимодействия (до и после кризиса). – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – 203 с.
44. Тодоров И. Евроинтеграция глазами донецких экспертов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ngo.donetsk.ua/articles/ievrointegraciya-ochima-doneckih-ekspertiv-ukrayini-visunuli-unikalni-politichni-umovi-dlya> (дата обращения: 19.07.2013).
45. Україна в Європі: контекст міжнародних відносин / кер. авт. кол. і наук. ред. А.І. Кудряченко. – Київ: Фенікс, 2011. – 632 с.
46. Фесенко В. В. Кризис в Украине в восприятии украинцев // Pro et Contra. – 2014. – Т. 18. – Май – авг. – С. 26-35.
47. Финько А. Выборы 2004 года: основные конфликты и их последствия // «Оранжевая революция». Украинская версия. – М.: Европа, 2005. – С. 207-230.